

Монголія.

1. Краткій географическій очеркъ.

Не беру на себя смѣлости приступить къ составленію спеціальнаго географическаго описанія Монголіи по недостатку вполнѣ законченнаго спеціально научнаго ея изученія, тѣмъ не менѣе хотѣлъ бы хотя нѣсколько обобщить свои личныя наблюденія и набросать въ видѣ схемы краткій географическій очеркъ, по скольку эта схема мнѣ обрисовалась при моемъ путешествіи вдоль хребтовъ Ханъ-Хухея, Хангая и Кентея.

Границы: Страна, населенная монголами, говорящими на одномъ языкѣ, имѣющими одну письменность, исповѣдывающими одну религію, находящимися на одномъ уровнѣ культурно-экономическаго развитія, имѣющими одну общую исторію и сходную современную политическую организацію,—занимаетъ значительную сѣверную часть центрально-азиатскаго плоскогорья. Она ограничена горными системами: Саянъ, Алтай, Хингана. Въ тѣсномъ смыслѣ границами Монголіи слѣдовало бы признать на западѣ хребетъ Сайлюгемскій, на юго-западѣ—хребетъ Монгольскій-Алтай, на сѣверѣ—хребты Танну-ола и Хамаръ-Дабанъ, на востокѣ—хребетъ Хинганскій и на югѣ—великую Китайскую стѣну.

Орографія. Представляя собою, какъ сказано выше, высокое плоскогорье (мѣстами до 5.000 фут. надъ уровнемъ океана). Монголія пересѣкается горною системою, до сихъ поръ спеціально еще не обследованной и потому не имѣющей еще общаго стройнаго описанія.

По скольку я могу судить, по личному опыту двухъ путешествій, внутренняя монгольская (назовемъ ее хотя бы такъ) горная система имѣетъ свой узелъ приблизительно въ окрестностяхъ г. Улясутая, рѣзко обозначающійся вершинами, съ вѣчными снѣгами, подъ общимъ названіемъ Богдо-Очиръ-Ванъ.

Отъ этого горнаго узла горная система развѣтвляется: на сѣверо-западъ—хребтомъ Ханъ-Хухей, на сѣверо-востокъ—хребтомъ Хангай и на востокъ—хребтомъ Кентей.

Ханъ-Хухей представляетъ собою хребетъ шириною около ста верстъ, протяженіемъ до 500 верстъ, рѣзко очерченнымъ, при незначительной относительной средней высотѣ, покрытъ лѣснымъ покровомъ, служитъ водораздѣломъ между системами озера Убса-норъ и озеръ Кобдосскихъ. Наивысшія отдѣльныя вершины этого хребта, повидимому, находятся къ югу отъ озера Убса-норъ, гдѣ имѣются вершины съ вѣчными снѣгами.

Хангай *), составляя водораздѣлъ между системами р. Тесинъ-голь и р. Селенги, въ самомъ своемъ началѣ довольно опредѣленно обозначенъ съ сѣвернымъ склономъ, покрытымъ лѣсомъ, и южнымъ—степнымъ, но затѣмъ постепенно теряетъ характеръ строго очерченнаго хребта, превращаясь въ горное плоскогорье. Судя по первоначальнымъ бѣглымъ впечатлѣніямъ, эта часть горнаго хребта, подвергаясь сильному вліянію сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, со значительнымъ количествомъ влаги, очень серьезно подверглась разрушенію, и мѣстами нынѣ остались лишь только слѣды бывшаго хребта, въ видѣ колоссальныхъ камней-скаль, имѣющихъ разнообразныя очертанія. Общее протяженіе хребта Хангай свѣше 400 верстъ, шириною онъ около 100 верстъ.

Кентей. Направляясь сначала почти строго на востокъ, очень высокимъ, мало доступнымъ, съ пятнами вѣчныхъ снѣговъ, хребетъ Кентей составляетъ водораздѣлъ внутренняго бассейна Кобдосскихъ озеръ и системы рѣки Селенги. Пройдя свѣше тысячи верстъ въ восточномъ направленіи и отграничивъ систему р. Селенги отъ пустыни Гоби, Кентей измѣняетъ свое направленіе на сѣверо-восточное.

Обширная горная система Внутренно-Монгольская, широко раскинувъ свои многостепенные отроги, заполняетъ почти все монгольское плоскогорье, превращая его въ горную страну.

Гидрографія. Воды Монголіи можно бы подраздѣлить на три главнѣйшія системы: р. Селенги, озера Убса-норъ и группы Кобдосскихъ озеръ.

Система р. Селенги. Рѣка Селенга, можно считать, имѣетъ три

*) На нашихъ географическихъ картахъ Хангаемъ называется собственно горный узелъ около Улясутая съ его развѣтвленіями на западъ, востокъ и сѣверъ, но такъ какъ по нѣкоторымъ источникамъ и объясненію монголь Хангаемъ называется горная область, водораздѣльная между Селенгой и Темги, то я позволяю себѣ намѣтить болѣе опредѣленную схему монгольской горной системы.

истока: Эдринъ-голь, Тельгиръ-муринъ и Игинъ-голь. Который изъ нихъ слѣдуетъ признать главнѣйшимъ и которые—притоками,—вопросъ приходится оставить открытымъ до спеціальнаго изученія. Но рѣка Эдринъ-голь беретъ начало почти въ центрѣ Монгольской горной системы, изъ группы горныхъ вершинъ Богдо-Очиръ-Ванъ, и потому я бы считалъ больше основанийъ признать именно этотъ истокъ началомъ р. Селенги. Рѣка Тельгиръ-муринъ беретъ начало въ горныхъ вершинахъ Алтынъ-нуро, находящихся въ системѣ горнаго хребта Танну-ола; Тельгиръ-муринъ, протекая съ сѣвера въ юго-восточномъ направленіи, впадаетъ въ р. Селенгу слѣва. Рѣка Игинъ-голь выходитъ довольно широкимъ (около 10—15 сажень) истокомъ изъ самага южнаго залива озера Косоголь, направляется прямо на югъ и, принявъ нѣсколько довольно крупныхъ притоковъ слѣва, несущихъ собою воды съ отроговъ Хамаръ-Дабана, впадаетъ въ р. Селенгу тоже слѣва.

Изъ правыхъ притоковъ р. Селенги слѣдуетъ признать главнѣйшимъ р. Орхонъ. Если бы были строго научныя данныя для опредѣленія схемы водныхъ системъ, то можно было бы выдвинуть вопросъ: что считать основаніемъ водной системы: рѣку ли Селенгу, въ ея Монгольской части, или рѣку Орхонъ? Но такъ какъ до сихъ поръ рѣшеніе вопросовъ о составныхъ частяхъ рѣчныхъ системъ очень часто базируется на мѣстныхъ названіяхъ и преданіяхъ, а строго научнаго изученія верхней системы р. Селенги еще не было, то и мы будемъ считать р. Орхонъ правымъ притокомъ р. Селенги. Беря начало въ западной, наиболѣе неприступной части хребта Кентей, рѣка Орхонъ имѣетъ общее направленіе на сѣверъ и течетъ на протяженіи почти 700 верстъ, захватывая въ свою систему значительную часть сѣверной Монголіи (свыше 500 верстъ въ ширинѣ). Наиболѣе крупными притоками Орхона слѣдуетъ признать: съ правой стороны—рѣки Толу и Иро и съ лѣвой стороны—р. Тамыръ-Голь. Каждый изъ этихъ притоковъ р. Орхона, имѣя свою обширную систему притоковъ, представляетъ собою рѣки, пожалуй, даже удобныя для легкаго пароходства и, во всякомъ случаѣ, вполне удобныя для сплава. Вторымъ значительнымъ правымъ притокомъ р. Селенги слѣдуетъ отмѣтить рѣку Чилоту, съ довольно широкою системою притоковъ, берущихъ начало въ горномъ узлѣ.

Система озера Убса-Норъ. Озеро Убса-Норъ, длиною около 100 вер. и шириною около 75 верстъ, имѣетъ горько-соленую воду, совершенно негодную для питья. Подвергаясь вліянію знойныхъ лучей монгольскаго солнца, Убса-Норъ съ безсомнѣнною очевидностью постепенно усы-

хаеть, и потому слѣдовало бы считать, что въ настоящемъ видѣ оно представляетъ собою лишь остатокъ бывшаго здѣсь довольно крупнаго внутренняго моря.

Убса-Норъ принималъ въ себя, очевидно, довольно много рѣчекъ, но, къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ рѣки эти мелѣли, а мѣстами превратились уже въ ручьи, а иногда только въ сухія русла бывшихъ рѣкъ; лишь колоссальные валуны, — камни, наполняющіе сухія русла бывшихъ рѣкъ, — свидѣтельствуютъ, что здѣсь когда-то текли бурные многоводные потоки. Среди оставшихся рѣчекъ, впадающихъ въ Убса-Норъ, нѣкоторыя не доносятъ своихъ водъ до озера, имѣя въ своихъ верховьяхъ проточную воду, при устьѣ уже представляютъ сухія долины, съ обозначенными сухими руслами рѣчекъ, и только одна, наиболѣе крупная, — протянувшаяся почти на 1,000 верстъ, — система рѣки *Тесинъ-Голь*, приноситъ озеру Убса-Норъ свои воды въ значительномъ количествѣ. Рѣка *Тесинъ-Голь* беретъ начало въ хребтѣ Хангаѣ, близъ озера Сангинъ-Далая, и течетъ на западъ, сѣверо-западъ и снова на западъ, — сначала въ горной долинѣ, а затѣмъ — въ равнинѣ. Тесинъ-голь принимаетъ въ себя очень много притоковъ, берущихъ свое начало въ хребтахъ Танну-Ола, Хангая и Ханъ-Хухея. Наиболѣе многоводные изъ нихъ тѣ, которые берутъ свое начало въ хребтѣ Танну-Ола. Изъ этихъ притоковъ можно отмѣтить нѣсколько наиболѣе крупныхъ: Шавыръ-Голь, Дзайгаль, Хациге-Голь, Эрсинъ-Голь. Еще слѣдуетъ отмѣтить довольно замѣтный притокъ озера Убса-Норъ — Нарынъ-Голь.

Система Кобдосскихъ озеръ. Къ этой системѣ можно бы отнести озера: Киргизъ-Норъ, Айрыкъ-Норъ, Дурга-Норъ и Кара-Усу. Всѣ эти озера, можно думать, представляли одинъ бассейнъ. Нынѣ Айрыкъ-Норъ принимаетъ довольно крупную рѣку Дзайхынъ-Голь, принимающую въ себя довольно многоводную систему рѣчекъ, берущихъ свое начало въ горномъ узлѣ монгольской горной системы. Въ систему Кобдосскихъ озеръ впадаетъ довольно многоводная рѣка Кобдо, берущая свое начало въ основномъ горномъ узлѣ алтайской горной системы и принимающая многочисленные притоки съ монгольскаго Алтая.

Система рѣки Керуленъ, берущей свое начало въ хребтѣ Кентеѣ и протекающей по восточной Монголіи, принадлежитъ къ бассейну уже Великаго океана.

Изъ перечисленныхъ водныхъ системъ весьма естественно придать наибольшее значеніе системѣ рѣки Селенги, какъ наиболѣе многоводной, захватывающей собою значительную часть всей страны, и при

извѣстномъ уровнѣ техники и культуры, могущей служить путями сообщенія. Съ этой точки зрѣнія обращаетъ на себя вниманіе сама рѣка Селенга со своимъ главнымъ притокомъ Эдринъ-Голь и притоки Орхонъ и Игинъ-Голь. Спеціального изученія въ смыслѣ пригодности этихъ рѣкъ, какъ водныхъ путей, еще не было, но, судя по характеру своихъ фарватеровъ и количеству воды, можно бы допустить возможность мелкаго судоходства по этимъ рѣкамъ, сплавное же судоходство возможно по рѣкамъ: Эдринъ-Голь, Тельгиръ-Муринъ, Орхону, Тамыръ-Голу, Толъ и Иро. Вѣроятно, возможно пользоваться сплавомъ и по рѣкѣ Тесинъ-Голь.

2. Раздѣленіе Монголіи на географическіе районы.

Очеркъ орографіи и гидрографіи Монголіи даетъ намъ нѣкоторое право подраздѣлить Монголію на слѣдующіе районы: Сѣверную Монголію, Гоби, Юго-восточную Монголію.

Сѣверная Монголія орошается водными системами Селенги, Убсаноръ и Кобдосскихъ озеръ, даетъ намъ основаніе надѣяться на дальнѣйшее культурное развитіе страны какъ по строенію почвы, количеству влаги и тепла, такъ и по растительному покрову. Она сравнительно густо заселена, включая въ себя 87 хошуновъ Халхи и 15 хошуновъ кобдосскихъ монголовъ.

Гоби, протяженіемъ до 500—700 верстъ по долготѣ и до 2,000 вер. по широтѣ, — безводная степь, покрытая крупно-зернистымъ пескомъ и камнемъ, при крайней бѣдности влаги, въ видѣ очень рѣдкихъ ключей, ручейковъ и колодцевъ, очень рѣдко населена кочевниками и, судя какъ по почвеннымъ даннымъ, такъ и по своему верхнему растительному покрову и количеству влаги, едва ли даетъ какія-либо надежды на культурное развитіе страны.

Юго-восточная Монголія, примыкающая собственно къ Китаю, населенная племенами внутреннихъ монголь, орошена системами водъ восточной покатости къ Великому океану; она уже въ настоящее время довольно густо заселена китайцами, превращающими постепенно монгольскія кочевья въ культурныя разработанныя площади колонизаторовъ.

Климатъ Монголіи можно бы назвать вполне континентальнымъ. При сравнительно незначительномъ количествѣ осадковъ, зимы—малоснѣжныя, но очень холодныя, съ сильными вѣтрами; весна—короткая и холодная; лѣто, начинающееся уже съ конца мая, до сентября очень

жаркое, особенно въ іюнѣ, іюлѣ и половинѣ августа; днемъ жара достигаетъ при полномъ безвѣтріи до 40—45° R.; жара начинается уже съ 8¹/₂—9 час. утра и продолжается до 6—6¹/₂ час. вечера; но уже съ 6 часовъ удушливая жара спадаетъ, и температура быстро опускается, а съ закатомъ солнца становится настолько холодно, что иногда приходится одѣваться очень тепло. Часто бываетъ, что къ утру нелишнимъ костюмомъ будетъ шуба.

Дождей выпадаетъ временами довольно значительное количество, но наступаютъ періоды засушливые, и тогда вся растительность стограетъ подъ палящими лучами солнца. Осень—лучшее время года, такъ какъ дождей бываетъ очень мало, температура воздуха сильно падаетъ, но большихъ холодовъ еще нѣтъ. Только въ горахъ уже въ концѣ августа выпадаетъ снѣгъ, но, пролежавъ дня два—три, стаиваетъ. Въ сентябрѣ въ горныхъ районахъ выпадаютъ довольно частенько снѣга, хотя тоже быстро стаиваютъ. Зима начинается приблизительно въ началѣ октября.

Лѣса. Лѣсовъ, въ томъ значеніи, какъ мы, европейцы, привыкли понимать, собственно въ Монголіи почти нѣтъ. Больше лѣсныхъ площадей встрѣчается въ системѣ р. Селенги. Здѣсь иногда еще встрѣчаются болѣе или менѣе порядочныя площади лѣса, но всегда только по преимуществу на сѣверныхъ скатахъ горъ, какъ и во всей Монголіи. Въ верховьяхъ рѣкъ Толы, Орхона, Тамыра лѣсъ встрѣчается очень рѣдко; иногда на сотни верстъ люди не имѣютъ древеснаго топлива, по южную же сторону Кентея лѣсовъ почти совершенно нѣтъ. Довольно значительныя площади лѣсовъ покрываютъ хребетъ Хань-Хухей, но уже къ югу отъ него окрестности озеръ Киргизъ-Норъ, Айрыкъ-Норъ совершенно не имѣютъ лѣсной растительности, а мѣстами на сотни верстъ раскинулись сыпучіе пески.

3. Населеніе.

Распредѣленіе населенія по странѣ. Описанныя краткія географическія условія и культурный уровень населенія (скотоводы-кочевники) уже опредѣляютъ собою распредѣленіе населенія по странѣ. Въ лѣтній періодъ, когда человѣку и домашнимъ животнымъ необходимо много влаги, населеніе сосредоточивается ближе къ рѣкамъ и прѣснымъ озерамъ. Широкія долины съ очень тучною растительностью представляютъ собою весьма удобныя пастбища, и поэтому почти каждая рѣка усѣяна сотнями юртъ и тысячами головъ скота; лишь въ рѣдкихъ

случаяхъ, по преимуществу когда служебныя условія (почтовые станціи, караулы и т. д.) заставляютъ монгола кочевать далеко отъ рѣкъ, юрты монголовъ тѣснятъ гдѣ-нибудь около колодцевъ, ручьевъ или ключей. Съ наступленіемъ глухой осени, когда въ горахъ выпадаютъ снѣга, а въ долинахъ пастбища уже становятся плохими, монголы уходятъ отъ рѣкъ на десятки верстъ—въ водораздѣльныя возвышенности, представляющія собою нерѣдко степныя плоскогорья и потому хорошія пастбища, съ очень слабымъ снѣжнымъ покровомъ, а мѣстами и совершенно обнаженныя отъ снѣга. Юрты раскидываются гдѣ-нибудь въ ущельяхъ горъ, закрытыхъ отъ господствующихъ вѣтровъ. Вода берется изъ ключей, или собирается снѣгъ и оттаивается; скотъ пасется по плоскогорьямъ.

Такимъ образомъ, населеніе лѣтомъ живетъ болѣе сосредоточенно и легко наблюдаемо, зимою раскидано по ущельямъ, въ безводныхъ горныхъ степяхъ, — часто отдѣльными юртами, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, и потому трудно его отыскать.

Изъ сказаннаго можно до извѣстной степени заключить, что наиболѣе густо населена Монголія въ системахъ рѣкъ Селенги, Орхона, Толы, Тамыра, Иро, Игинъ-Гола, Тельгиръ-Мурина, Тесинъ-Гола, Чилоту, Дзапхынъ-Гола и Кобдо. Прочія области Монголіи, не захваченныя системами рѣкъ, сравнительно мало населены, а иногда и совершенно пустынные.

Племенной составъ населенія. Какъ уже выше было мною сказано, въ общемъ населеніе всей Монголіи составляетъ одно племя, говорящее на одномъ языкѣ, но въ своихъ отгѣнкахъ можетъ быть раздѣлено на три главнѣйшія группы: халхасцы, внутренніе монголы и дурбеты (калмыки). Въ разговорной рѣчи эти группы нѣсколько отличаются другъ отъ друга, а иногда настолько сильно, что съ трудомъ понимаютъ другъ-друга, но письменность — одна у всѣхъ.

Халхасцы живутъ по системамъ рѣкъ Селенги и Керулена, верховьямъ рѣкъ Тесинъ-Гола и Дзапхынъ-Гола и отчасти заходятъ въ сѣверную часть Гоби. Внутренніе монголы кочуютъ южнѣе Гоби; монгольскіе калмыки (дурбеты, улеты) кочуютъ по нижнему теченію рѣки Тесинъ-Голь, хребту Ханъ-Хухею, по системамъ озера Убса-Норъ и Кобдосскихъ озеръ.

Бытъ монгола. Монголія по преимуществу страна кочевниковъ-скотоводовъ. Каждый монголъ имѣетъ хотя бы нѣсколько головъ овецъ, рогатаго скота, лошадей. Самыя бѣднѣйшія юрты имѣютъ десятокъ—два овецъ, двухъ—трехъ коровъ, одну—двѣ лошади. По мѣрѣ

увеличенія количества скота соразмѣрно увеличивается и благосостояніе монгола. Средняго достатка семья монгола имѣетъ сотню—полторы овецъ, десятка два—три рогатаго скота и столько же лошадей. Такимъ образомъ основою благосостоянія монгола является скотоводство.

Исходя изъ этого, и бытъ монгола складывается въ зависимости отъ условій, удовлетворяющихъ скотоводческому хозяйству. Такъ какъ скоть круглый годъ питается подножнымъ кормомъ на пастбищахъ, то и жить осѣдло, постоянно на одномъ мѣстѣ, монголу нельзя: ему необходимо время-отъ-времени переходить съ одного пастбища на другое. Поэтому жилище монгола представляетъ собою юрту, состоящую изъ легкаго деревяннаго остова, покрытаго кошмами. Такое жилище легко снимается, укладывается на вьюкъ, перевозится и снова раскладывается очень быстро. Домашняя утварь монгола тоже весьма несложная: нѣсколько предметовъ для приготовления пищи, сбора молока и молочныхъ продуктовъ и весьма несложные костюмы и постель. Весь „домъ“ средняго монгола поднимается на двухъ—трехъ верблюдахъ или быкахъ.

Каждая семья имѣетъ свою собственную юрту; семейные сыновья немедленно же заводятъ собственную юрту. По обычаю, юрта ставится отцомъ неврѣсты, а женихъ въ свою очередь платитъ отцу неврѣсты „калымъ“ деньгами или скотомъ. Въ большинствѣ случаевъ семейные сыновья кочуютъ вмѣстѣ съ отцомъ, а иногда присоединяются и родственники, и такимъ образомъ составляется кочующій поселокъ изъ пяти, даже десяти юртъ, называемый „аиломъ“.

Главнымъ занятіемъ монголовъ является сохраненіе своихъ стадъ; однако эту роль у богатыхъ монголовъ обычно выполняютъ наемные пастухи-бѣдняки, пасущіе попутно и свои небольшія стада; у болѣе мелкихъ хозяевъ скоть пасется безъ пастуховъ и только временами наблюдается кѣмъ-нибудь изъ мужчинъ. Овцы обычно пасутся мальчиками или стариками. Взрослые мужчины занимаются охотою за тарбаганами (сурокъ), нѣкоторые занимаются перевозкою тяжестей, нанимаясь у купцовъ. Болѣе же зажиточные обычно сами никакихъ работъ не исполняютъ, а бражничаютъ съ такими же зажиточными сосѣдями. Какъ общую черту, отмѣтимъ, что всякая работа мужчиною-монголомъ исполняется медленно, лѣниво; если монголы собрались въ какую-нибудь юрту, то начинаются безконечные разговоры, затягивающіеся на нѣсколько часовъ, а если при этомъ рассказываются какія-нибудь новости, то всякая работа бросается, и день проходитъ безъ всякаго

полезнаго труда. Вообще взрослый мужчина въ Монголіи меньше всѣхъ работаетъ, но зато взрослая, а особенно замужняя женщина — вѣчная и неутомимая работница. Уходъ за скотомъ, доеніе овецъ, коровъ, кобылъ, скопленіе молока, переработка молочныхъ скоповъ, приготовленіе пищи, шитье костюмовъ, досмотръ за дѣтьми,—все это лежитъ на женщинѣ, и потому время ея занято до послѣдней минуты. За два путешествія мнѣ не приходилось встрѣчать взрослую женщину, праздно сидящую, безъ какого-нибудь занятія. Старики и подростки заняты охраненіемъ мелкаго скота: овецъ и телятъ. Безъ всякаго занятія лишь только самая мелюзга, въ возрастѣ до пяти—семи^л лѣтъ; обычно совершенно голые, они даже въ холодные осенніе дни бѣгають вокругъ юрты.

Нужно замѣтить ярко отличительную черту у монголовъ: они очень любятъ своихъ дѣтей, и рѣдко-рѣдко монголь пройдетъ мимо своего ребенка, не приласкавъ его.

Бюджетъ монгола составляется отъ продажи скота, снятой шерсти овецъ и верблюдовъ, отъ продажи овчинъ, коровьихъ и лошадиныхъ шкуръ, тарбаганьихъ шкурокъ и сравнительно рѣдкимъ заработкомъ по перевозкѣ тяжестей.

Пища монгола главнымъ образомъ состоитъ изъ чая (кирпичнаго) съ молокомъ, солью и саломъ или масломъ, вмѣсто хлѣба у большинства—сушеное квашеное овечье молоко (нѣчто въ родѣ сыра), мясомъ питаются только въ исключительныхъ случаяхъ, на примѣръ, послѣ добычи тарбагана или если случайно продана овца (остатки отъ зарѣзаннаго барана обычно являются добычею хозяина-монгола). Специально для себя монголь рѣжетъ барана только въ особо торжественныхъ случаяхъ: пріѣзда важныхъ гостей, лучшихъ друзей, семейныхъ праздниковъ и пр.

Одежда монгола весьма несложная: рубаха и штаны изъ простой дешевой матеріи и халатъ. Нерѣдко бываютъ случаи, что обходится монголь и совершенно безъ бѣлья. Зимой шуба—халатъ.

4. Административно-политическое положеніе Монголіи.

Халха раздѣляется на четыре аймака: восточные—Цецеинъ-хана и Тушетъ-хана и западные—Сайнъ-нойона и Джасакту-хана. Каждый аймакъ состоитъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ княжествъ (хошуновъ): Цецеинъ-хана — 19, Тушетъ-хана — 27, Сайнъ-нойона — 22, Джасакту-хана—20. Калмыки (дурбеты и улеты) составляютъ два аймака: дурбетскій—состоящій изъ 10 хошуновъ, во главѣ аймака стоитъ ванъ,

и улетскій—изъ пяти хошуновъ, во главѣ аймака улетскій ханъ. Непосредственно управленіе Халхою ввѣрено аймачныхъ сеймамъ, т.-е. съѣзду князей всѣхъ хошуновъ, входящихъ въ составъ cadaго аймака.

Надзоръ за дѣятельностью сеймовъ поручается дзяндзюню (генераль-губернатору) въ Улясутаѣ и амбанямъ въ Ургѣ, Улясутаѣ и Кобдо (Шаро-суме).

Аймачные сеймы вѣдаютъ распредѣленіе обложенія по княжествамъ и созываются одинъ разъ въ годъ. Владѣтельными правителями хошуновъ являются родовые князья (дзасакъ), права которыхъ переходятъ по наслѣдству. Князья, раздѣляясь на шесть степеней по древности рода, богатству и заслугамъ, получаютъ отъ пекинскаго двора внѣшніе знаки отличія въ видѣ перьевъ и шариковъ на шляпѣ, а также жалованье серебромъ и матеріями.

Южная внутренняя Монголія раздѣляется на 23 аймака, Алашанскій округъ и страну Чахаръ. Всѣ аймаки южной Монголіи управляются шести сеймами, а алашанцы и чахары имѣютъ особое управленіе. Въ составъ cadaго сейма входятъ отъ одного до восьми аймаковъ, въ аймакѣ же—отъ одного до шести хошуновъ.

Считаю необходимымъ нѣсколько остановиться на политическомъ положеніи Монголіи.

Какъ народъ въ своей массѣ, монголы совершенно некультурные пастухи, съ чрезвычайно первобытнымъ міровоззрѣніемъ; понятія о Богѣ у массы населенія весьма смутныя, но зато жизнь монгола полна суевѣрій, въ родѣ того, что горы, лѣса, вода, трава, охота, стада и т. д. находятся, если можно такъ выразиться, въ завѣдываніи особыхъ духовъ, отъ расположенія которыхъ зависитъ все благополучіе и существованіе монгола. Изъ этого положенія исходитъ необходимость умаливать и жертвоприношеніями задобривать соотвѣтственныхъ обстановкѣ добрыхъ и злыхъ духовъ; но такъ какъ самъ монголъ этого не можетъ сдѣлать съ такимъ успѣхомъ, какъ монгольскій лама, то во всѣхъ случаяхъ монголъ обращается къ ламамъ.

Мнѣ неоднократно рассказывали монголы о своей духовной жизни такъ: „Мы, монголы, ничего не знаемъ кромѣ своихъ стадъ; что такое небо, земля, солнце, явленія природы: громъ, дождь и т. д.,—мы не знаемъ. Говорятъ, что землю поддерживаютъ четыре „батыря“ (богатыря), которые подчиняются ламѣ, и т. д., но мы—темные люди, ничего навѣрно не знаемъ, у насъ все знаютъ наши ламы, они всю жизнь въ монастыряхъ, читаютъ священныя книги и потому больше насъ знаютъ“.

Съ большою убѣдительностью увѣрялъ меня другой монголь, что ламы въ его хошунномъ монастырѣ могутъ остановить или разогнать тучи, прекратить грозу, послать болѣзнь на скоть или остановить ее и т. д.

Въ политической жизни не только всей страны, но даже въ жизни своего хошуна монголы почти не принимаютъ никакого участія; обязанность простаго монгола—вносить свои подати, отбывать личную и денежную повинность, какія на него возлагаютъ его хошунный дзасакъ (князь) и его совѣтники—чиновники. Права не только князя надъ монголомъ своего хошуна, но даже его чиновниковъ ничѣмъ не регламентированы, кромѣ обычаевъ, а эти обычаи очень жестоки. Приходилось быть свидѣтелемъ многочисленныхъ случаевъ жестокой расправы съ монголами по приказанію не только князей, но болѣе мелкихъ чиновниковъ. *Гражданская* жизнь монгола проходитъ прежде всего въ непрекословномъ повиновеніи своему князю и чиновнику, подѣ страхомъ жестокой расправы, а *духовная* жизнь—въ непрекословномъ довѣрїи своимъ духовнымъ руководителямъ—ламамъ.

Ламы. Не только каждый хошунъ, но каждое соммо, а иногда и болѣе мелкая организація: уртонъ (почтовая станція), карауль и т. д.,—имѣютъ свой монастырь; въ этомъ монастырѣ живутъ десятки, сотни, а иногда и тысячи ламъ (напримѣръ, ургинскій монастырь насчитываетъ, говорятъ, до 10000 ламъ, но это—единственный, а такихъ, какъ уланкомскій, отъ 2000 до 5000 ламъ, въ Монголіи очень много). Въ ламы, какъ извѣстно, каждая семья посвящаетъ изъ двухъ—трехъ сыновей одного непременно. Дѣти, посвященныя Богу, растутъ до учебнаго возраста въ семьѣ, а затѣмъ, съ 10—11 лѣтъ, увозятся въ монастырь и тамъ растутъ и учатся подѣ руководствомъ старшихъ ламъ. Такимъ образомъ каждый монастырь представляетъ собою духовную семью, иногда въ нѣсколько тысячъ монголь, разныхъ возрастовъ—отъ десятилѣтнихъ дѣтей до глубокихъ старцевъ. Вся эта армія монаховъ живетъ по преимуществу подаянїями простаго народа. Чтобы получить эти подаянїя, необходимо поддерживать съ особеннымъ старанїемъ культъ суевѣрїй, на которыхъ и зиждется вліяніе ламъ, а, слѣдовательно, зависитъ и ихъ существованіе. Лама является и докторомъ, и юристомъ, и священникомъ, и совѣтчикомъ, и предсказателемъ и т. д.; словомъ, жизнь монгола такъ обставлена, что безъ совѣта ламы онъ почти не ступитъ шага. Было со мною нѣсколько случаевъ, что проводники, несмотря на большое вознагражденіе и послѣ согласія, даннаго съ удовольствїемъ мнѣ, отправлялись испросить предсказанїя ламы и затѣмъ категори-

чески отказывались и отъ денегъ и отъ обязательствъ, ссылаясь на то, что лама вычиталь въ книгѣ о невозможности ему выѣзжать съ нами. Можно безошибочно сказать, что ламы представляютъ собою интеллигенцію монгольскаго народа и притомъ крайне вліятельную.

Гегены. Чтобы увеличить еще больше свое вліяніе, монгольская религія создала культъ живыхъ святыхъ (если можно такъ сравнить). Пояснимъ примѣромъ. Въ какомъ-нибудь монастырѣ нашелся лама, особенно выдающійся по своей духовной жизни и пользовавшійся при жизни особеннымъ вліяніемъ на народъ и уваженіемъ ламъ. Послѣ его смерти, по вѣрованію ламаитовъ, душа его переселяется не въ животное, птицу или насѣкомое (какъ это принято у монголь думать о душѣ простого смертнаго монгола), а въ человѣка, и вотъ, по указанію изъ Тибета, отыскивается тотъ ребенокъ-монголь, въ котораго переселилась душа умершаго ламы. Этотъ мальчикъ-монголь называется „хубилганъ“ и считается имѣющимъ сверхъестественныя силы а потому и пользуется поклоненіемъ, почестями и вліяніемъ. Каждое сказанное хубилганомъ слово признается какъ указаніе свыше и для суевѣрнаго монгола является закономъ. Ребенокъ-гегенъ (хубилганъ) съ шестилѣтняго возраста берется въ монастырь и, будучи поставленъ въ особое, исключительно-почетное положеніе, живущій среди взрослыхъ, имѣющій наиболѣе способныхъ учителей и наставниковъ,—быстро развивается и, дѣйствительно, въ дѣтскомъ еще возрастѣ, въ сравненіи со своими сверстниками, поражаетъ своимъ развитіемъ и знаніями, что особенно сильно импонируетъ на суевѣрную массу монголь.

Часто бываютъ случаи, что такой хубилганъ, достигнувъ юношескаго возраста и понявъ свою силу надъ толпою, начинаетъ проявлять инстинкты повелителя и при крайне ограниченномъ все-таки духовномъ развитіи, а, главное, простотѣ обстановки и интересовъ, вырабатывается въ типъ самодура, подвиги котораго и расточительность переходятъ всякіе предѣлы. Тогда ламы, чтобы не вводить соблазна въ народъ и не разоряться, кончаютъ съ нимъ посредствомъ какой-нибудь тонкой отравы, и вновь душа умершаго переселяется въ младенца, и т. д.

Это называется перерожденіемъ; нѣкоторые хубилганы (гегены) получаютъ послѣ нѣкоторыхъ перерожденій званіе „хутухты“. Гегеновъ или хутухтъ насчитывается въ Монголіи нѣсколько; нѣкоторые изъ нихъ уже имѣютъ за собою два—три перерожденія. Естественно, что чѣмъ больше перерожденій, тѣмъ больше святости и, слѣдовательно, вліянія на міровоззрѣніе народа имѣетъ гегенъ.

Далай-Лама.

Худухта. Гегенъ, нынѣ правящій въ Ургѣ.

Группа почтенныхъ монгольскихъ ламъ; въ центрѣ сидитъ старшій братъ Гегена.

Чёподыль—духъ здоровья.

Перенли Джолбогъ-Кунагъ. Отъ нечистаго
духа въ дорогѣ, богъ богатства, хранитель
отъ пуль на войнѣ.

Монгольскій дацанъ (монастырь) Ноинъ Хорлень-Хитъ — къ сѣверу
въ 10 верстахъ отъ г. Урги.

Богдо-гегенъ. Ургинскій хутухта считаетъ за собою уже восемь перерожденій и въ ламайскомъ мірѣ считается третьимъ лицомъ по святости: первое лицо—далай-лама, второе—бань-чень (оба живутъ въ Тибетѣ) и третье лицо — ургинскій богдо-гегенъ. Такимъ образомъ, собственно для Монголіи богдо-гегенъ является первымъ лицомъ по святости.

Теперь живущій богдо-гегенъ имѣетъ отъ роду сорокъ два года,— такимъ образомъ, прошелъ тотъ возрастъ, когда вся жизнь его, полная обожанія и поклоненія, уходила на самодурство, кутежи и расточительность. Были попытки покончить и съ нимъ еще въ молодыхъ годахъ какъ со стороны ламъ, такъ и со стороны китайцевъ, не желавшихъ, изъ понятныхъ соображеній, допустить такого вліятельнаго человѣка по своему положенію до зрѣлаго политическаго возраста. Но онъ сумѣлъ избѣжать опасности, а періодъ удивительной разнузданности, пьянства и самодурства уже прошелъ. Богдо-гегенъ, становясь зрѣлымъ, все болѣе и болѣе становился вліятельнымъ не только по своему положенію восьмого перерожденія, но и своею собственною личностью. Китайцы, считаясь съ его вліяніемъ на монголь, старались расположить его въ свою пользу разными подарками, почестями, и однимъ изъ послѣднихъ знаковъ вниманія было пожалованіе желтыхъ кресла и зонта, придающихъ ему значеніе коронованной особы.

Постепенно создалось для богдо-гегена такое положеніе. 1) Китайское правительство, считая его самымъ вліятельнымъ человѣкомъ, старалось расположить его пожалованіемъ царскихъ отличій и тѣмъ само же создало ему политическій ореолъ. 2) Князья (дзасаки), не желая отстать отъ общаго культа поклоненія гегену массы своего народа, оказывали ему особыя почести, являлись къ его двору и, проживая по долгу при его дворѣ, въ качествѣ придворныхъ, преподносили ему не только подарки, но и большіе участки земли изъ своихъ владѣній вмѣстѣ съ подданными; такимъ образомъ создали гегену огромное крѣпостное населеніе, такъ-называемыхъ шабинцевъ, которые имѣютъ право кочевать по всей Монголіи и не платить никакихъ податей, никакихъ повинностей въ хошуны, такъ какъ подати вносятъ исключительно въ пользу богдо-гегена. Кромѣ того каждый хошунный князь считаетъ своимъ священнымъ долгомъ ежегодно въ видѣ приношенія отъ хошуна уплачивать богдо-гегену по нѣсколько тысячъ ланъ серебра. 3) Если прибавить къ этому многочисленныхъ (сотнями тысячъ) паломниковъ богдо-гегену съ жертвоприношеніями, то становится ясно, что богдо-гегенъ занялъ исключительное положеніе въ Монголіи какъ по

вліянію релігійозному и политическому, такъ и по своей матеріальной независимости.

Оцѣнивая обстановку, богдо-гегенъ принялъ по отношенію Китая особый тонъ полунезависимости, и, не взирая на примѣръ предшественниковъ гегеновъ являться въ Пекинъ къ императору, онъ не поѣхалъ въ Пекинъ, и китайцы не могли ничего предпринять, чтобы заставить его это сдѣлать.

По пріѣздѣ далай-ламы въ Монголію богдо-гегенъ принялъ по отношенію къ нему оппозиціонное положеніе. Далай-лама не могъ найти средствъ, чтобы смягчить эту оппозицію. Этимъ обстоятельствомъ, конечно, понизилось у халхасскихъ монголовъ значеніе далай-ламы и и повысилось значеніе богдо-гегена.

Князья, въ особенности изъ числа чѣмъ-нибудь обиженныхъ китайскимъ правительствомъ или понимавшихъ печальное положеніе Монголіи, стали чаще и чаще появляться къ двору богдо-гегена за совѣтами, а нѣкоторые проживали около него годами и просто услуживали гегену въ его домашней жизни, что создало ему положеніе какъ бы политическаго главы монгольскаго народа. Но наиболѣе сильный рычагъ для вліянія на народъ въ рукахъ богдо-гегена, это—ламы. Ламы всей Монголіи находятся въ естественномъ подчиненіи богдо-гегена, такъ какъ ни одинъ молодой ученикъ любого монастыря Монголіи не можетъ получить званія ламы низшей степени (гелуна), не сдавъ экзамена въ Ургѣ и не получивши непосредственно благословенія богдо-гегена, такъ что всѣ ламы смотрятъ на Ургу, какъ на центръ, откуда зависитъ и ихъ вліяніе. Повелѣніе богдо-гегена для всего населенія монгольскихъ многочисленныхъ монастырей есть законъ. Благодаря такой обстановкѣ у богдо-гегена получилось не только нѣсколько десятковъ тысячъ своихъ подданныхъ крѣпостныхъ (шабинцевъ), но вѣрноподданными сдѣлались и всѣ ламы, которыхъ, пожалуй, можно считать свыше полмилліона. А такъ какъ монгольскіе ламы имѣютъ крупное вліяніе на массу народа, то чрезъ нихъ увеличивается вліяніе на народъ и богдо-гегена.

Князья. Халха раздѣляется на 87 хошуновъ (княжествъ), имѣющихъ своими правителями князей (дзасаковъ).

Считаясь потомственными и полновластными владѣльцами своихъ княжествъ (хошуновъ), князья собственно были сначала какъ бы полунезависимыми отъ Китая; они даже, говорятъ, и теперь не обязаны китайскому правительству уплачивать подати, а, наоборотъ, получаютъ отъ правительства сами личное жалованье.

Однако китайское правительство приняло всѣ мѣры, чтобы подчинить князей своему вліянію. Приглашая князей въ Пекинъ ко двору, выбирали наиболѣе сговорчивыхъ и подающихся честолюбію, оставляли на продолжительное время при императорскомъ дворѣ, а всѣхъ остальныхъ обязывали въ извѣстные періоды являться тоже ко двору на поклоненіе императору; при этомъ, въ зависимости отъ поведенія князя, раздавали разные почести и награды или лишали милости императора; такимъ путемъ создалось у князей извѣстное тяготѣніе къ Пекину. Нѣкоторые живутъ даже постоянно въ Пекинѣ и совершенно не приѣзжаютъ въ свои хошуны, предоставивъ управленіе хошуномъ чиновникамъ, а сами только получаютъ средства съ хошуновъ и тратятъ ихъ въ Пекинѣ при дворѣ и на подарки китайскимъ мандаринамъ. Нѣкоторые изъ нихъ постепенно превратились въ типъ нашихъ прежнихъ помѣщиковъ, жившихъ въ столицахъ, владѣвшихъ огромными помѣстьями, а иногда десятками тысячъ своихъ крѣпостныхъ, но не посѣщавшихъ своихъ деревень и постепенно потерявшихъ связь со своими крѣпостными.

Нѣкоторые изъ князей, обиженные чѣмъ-нибудь въ Пекинѣ или по характеру своему не желающіе становиться въ описанное положеніе или не имѣющіе достаточныхъ средствъ для такой роли,—составляютъ группу, которая больше тяготѣетъ къ богдо-гегену и составляетъ какъ бы неполнѣ надежный для Китая элементъ.

Въ началѣ періода подчиненія Монголіи Китаю 87 княжествъ Халхи группировались въ четыре ханства (аймака): Цеценъ-хана, Тушетъ-хана, Сайнъ-нойона и Дзасакату-хана. Ханамъ были непосредственно потомки Чангизъ-хана, и потому они пользовались огромнымъ вліяніемъ и у князей. Но китайское правительство употребило всѣ средства, чтобы уничтожить ханскую власть и ея вліяніе; оно создало для управленія аймаками „сеймы“ изъ князей и выборнаго предсѣдателя сейма (чулганъ-дарга). Сначала хошунные князья выбирали чулганъ-даргою аймачныхъ хановъ, а потомъ, подъ вліяніемъ китайцевъ, стали выбирать и другихъ князей (болѣе угодныхъ китайцамъ и менѣе вліятельныхъ) и этимъ сильно разстроили аймачную организацію. Нынѣ изъ хановъ три уже не пользуются никакимъ вліяніемъ на свои аймаки: Цеценъ-ханъ, Дзасакату-ханъ и Тушетъ-ханъ (молодой мальчикъ); только одинъ Сайнъ-нойонъ, аймакъ котораго въ 22 хошуна, благодаря своей личности, такту и уму выбирается уже нѣскольکو разъ подъ-рядъ чулганъ-даргою, и, такимъ образомъ, весь его аймакъ остается подъ его вліяніемъ.

Въ каждомъ аймакѣ имѣется въ настоящее время еще вліятельное лицо цзянь-цзюнь: это—одинъ изъ князей по выбору императора, предназначенный для командованія всею монгольской милиціей, выставляемой аймакомъ.

Нѣкоторые князья, независимо отъ своего политическаго положенія, благодаря богатству своего хошуна, личнымъ достоинствамъ, умѣлому выбору своихъ чиновниковъ создали себѣ, до извѣстной степени замѣтное положеніе въ Монголіи, и съ ними приходится считаться; таковы, напримѣръ: Амбанъ-ванъ (хошунъ его въ окрестностяхъ Улясутая), Сартуль-гунъ; въ Сайнъ-нойоновскомъ аймакѣ наибольшимъ вліяніемъ пользуется самъ Сайнъ-ноинъ; кромѣ того Сайту-ванъ; въ Тушетъ-хановскомъ аймакѣ цзянь-цзюнь-ханъ доржи Цинъ-Ванъ, Намсарай-гунъ (его хошунъ соприкасается съ Кяхтою).

По нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что среди всѣхъ 87 князей нынѣ опредѣляются двѣ политическія партіи: китайская и національная. Первые идутъ навстрѣчу всѣмъ китайскимъ проектамъ сліянія Монголіи съ Китаемъ, заискиваютъ у китайскаго правительства и пользуются вниманіемъ китайцевъ. Представители этой партіи лѣтомъ 1910 г. были вызваны въ Пекинъ въ конституціонную палату; они частью создали, частью поддерживаютъ проекты заселенія Монголіи китайцами, образованія монгольскихъ школъ, автомобильнаго сообщенія и т. д. Вторые, наоборотъ, стараются уклониться отъ китайскаго вліянія, избѣгаютъ поѣздокъ въ Пекинъ и не заискиваютъ у мѣстныхъ китайскихъ властителей (что обыкновенно стоитъ большихъ денегъ), не страдаютъ особенно большимъ монголо-китайскимъ честолюбіемъ, а живутъ больше въ своихъ хошунахъ и заняты хошунными дѣлами. Благодаря этому ихъ хошуны постепенно начинаютъ отличаться благосостояніемъ (такъ какъ князья не тратятся на подарки въ Пекинъ, Улясутай и Ургу), что создало не только князю, но и народу до извѣстной степени больше независимости отъ китайцевъ.

Кромѣ этихъ двухъ партій, незначительныхъ по числу, большая часть остальныхъ князей безразличны, какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по бѣдности и ничтожности ихъ владѣній; это безразличное большинство скромно и молчаливо тушется въ массѣ монголь, интересуясь и занимаясь или только личными дѣлами, или дѣлами своего хошуна. Это безразличное большинство обязательно и неупустительно посѣщаетъ ежегодно богдо-гегена и не теряетъ съ нимъ духовной связи, какъ съ покровителемъ всего монгольскаго народа.

Китайцы. Въ своемъ стремленіи слить разрозненныя части своей

имперіи въ одинъ сильный политическій организмъ, въ которомъ бы рѣзко отразились національныя черты Китая, китайское правительство давно планомерно, очень осторожно, но умѣло ведетъ политику подчиненія Монголіи и превращенія ея въ провинцію. Можно бы задать вопросъ, почему китайское правительство дѣйствуетъ съ особеннымъ тактомъ и осторожностью при проведеніи въ жизнь своихъ политическихъ плановъ въ Монголіи, столь слабой политически, разрозненной и разоренной. Мнѣ трудно отвѣтить на этотъ вопросъ; слишкомъ мало и не спеціально я изучалъ Монголію, но казалось бы, что Дунганское возстаніе, воспоминаніе о прежнихъ войнахъ въ Монголіи, внутреннія неурядицы и постоянныя политическія вспышки и возстанія въ самомъ Китаѣ, не доведенная до конца организація арміи, — лишаютъ Китай возможности дѣйствовать смѣло и рѣшительно въ Монголіи; къ этому прибавляется остатокъ престижа къ Россіи; кажется, китайцы вѣрятъ, что въ случаѣ какихъ-либо волненій въ Монголіи Россія поддержитъ недовольный Китаемъ элементъ монголь. Вотъ почему дѣйствія китайцевъ въ Монголіи, пожалуй, осторожны и методичны. Судя по личнымъ моимъ впечатлѣніямъ, политика Китая въ Монголіи направлена: 1) на ослабленіе власти князей, 2) на ослабленіе матеріальнаго благосостоянія народа и особенно хошуновъ, 3) на захватъ территоріи Монголіи въ руки китайцевъ и ея заселеніе китайскимъ населеніемъ, 4) на подчиненіе Монголіи китайскимъ властямъ, 5) на уменьшеніе вліянія русскихъ на монголь, 6) на уменьшеніе вліянія богдо-гегена и ламъ, и 7) на развитіе среди монголь китайскаго образованія и культуры.

1) Въ ослабленіи власти князей достигнуты очень крупныя результаты. Монголіи, какъ цѣлаго политическаго организма, управляемаго прежде Чингизъ-ханомъ и его наслѣдниками, теперь, можно сказать, не существуетъ. Какъ выше сказано, потомки Чингизъ-хана сведены въ своемъ значеніи къ нулю и сравнены по своему положенію съ обыкновенными удѣльными князьями.

Большинство князей живутъ разрозненно, заняты своими личными дѣлами и дѣлами своихъ хошуновъ, а нѣкоторые, увлеченные честолюбіемъ и превратившіеся въ покорныхъ слугъ китайскаго правительства, почти совершенно не отдають отчета объ общемъ положеніи Монголіи. Необразованные, политически неразвитые, приученные къ китайскому господству, не имѣя ни руководителей, ни наставниковъ, ни организаціи, — князья собственно уже не представляютъ собою политической силы, съ которой особенно сильно нужно считаться китайцамъ.

2) Матеріальное благосостояніе народа вліяетъ до извѣстной сте-

пени, конечно, и на независимость политическаго сознанія его. Чтобы уменьшить это сознаніе, китайцы приняли мѣры къ уменьшенію благосостоянія монголовъ и въ этомъ они достигли замѣтныхъ успѣховъ. Позволю себѣ высказать убѣжденіе, что большая часть Монголіи находится въ неоплатныхъ долгахъ китайцамъ. Погоня за честолюбіемъ среди князей, требующая десятки, а иногда сотни тысячъ ланъ ежегоднаго расхода, многочисленныя повинности хошуновъ, въ видѣ содержанія пограничныхъ карауловъ, почтовыхъ линій и т. д.,—требуютъ тоже очень крупныхъ расходовъ. Все это вовлекаетъ хошунны въ столь крупныя денежныя расходы, что наличныхъ средствъ, собираемыхъ хошуннымъ управленіемъ съ народа, не хватаетъ, а большинство князей не считаются съ будущимъ своей страны и берутъ у китайцевъ или въ китайскомъ банкѣ крупныя ссуды, десятками тысячъ ланъ серебра, за огромныя проценты; уплатить этихъ долговъ, конечно, они не въ состояніи въ теченіе года, а на слѣдующій годъ нарастаютъ новыя львиныя проценты (25—35% годовыхъ), и долгъ растетъ и превращается въ неоплатный. Лично населеніе, тоже въ свою очередь обремененное податями и ослабленное уменьшеніемъ своихъ стадъ, не можетъ сбалансировать свои семейныя бюджеты и входить въ долги китайскимъ фирмамъ. Наконецъ, китайцы придумали еще новый прекрасный способъ захвата экономической жизни страны въ свои руки. Они покупаютъ или берутъ за долги рогатый скотъ, барановъ, лошадей, составляютъ табуны или стада и отдаютъ монголамъ же ихъ пасти на условіи 60% приплода хозяину-китайцу и 40%—пастуху-монголу, но падежъ и гибель скота относятся за счетъ пастуха. Такимъ образомъ черезъ нѣсколько лѣтъ неосторожный монголъ, хотя бы имѣвшій свои стада, но взявшій на пастьбу скотъ китайца, совершенно лишается своего стада и становится простымъ пастухомъ китайца. Меня увѣряли во многихъ пунктахъ восточной и западной Монголіи, что одна фирма Ташинху владѣетъ почти большею частью стадъ хошуновъ изъ аймаковъ Цеценъ-хановскаго, Тушетъ-хановскаго и Джасакту-хановскаго, не говоря уже про то, что почти всѣ хошунны за ничтожнымъ исключеніемъ находятся въ неоплатныхъ долгахъ у этой фирмы.

3) Съ этою политикой экономическаго захвата тѣсно связано стремленіе къ захвату земельному. Въ южной и юго-восточной Монголіи, такъ-называемой внутренней (Ордось, Чахары, Харацны и другія племена), китайцы шли къ земельному захвату именно этимъ путемъ. Въ Китаѣ создались такъ-называемыя колонизаціонныя предпріятія, въ которыя входятъ крупныя китайскія торговыя фирмы и правительство.

Эта переселенческая организація прибрѣтаетъ за счетъ своего капитала земли внѣ китайской стѣны и отдаетъ въ аренду китайцамъ-землепашцамъ, помогая имъ ссудами подъ ничтожные проценты на оборудованіе своихъ хозяйствъ на новыхъ мѣстахъ. Такимъ способомъ китайская бѣднота имѣетъ возможность приложить свой кропотливый, упорный и образцовый трудъ въ новыхъ мѣстахъ на правахъ уплаты ничтожной аренды и имѣетъ всегда оборотный капиталъ за сравнительно незначительный процентъ. Получается такое положеніе, что богатая фирма, правительство и рабочій классъ выигрываютъ отъ такой колонизаціонной политики.

При такой организаціи переселенческаго вопроса, колонизаціонный комитетъ или компанія намѣчаетъ, положимъ, какой-нибудь хошунъ для колонизаціи. Торговая фирма, работающая въ этомъ хошунѣ, предъявляетъ къ хошуну требованіе объ уплатѣ долговъ. Хошунъ и князь не имѣютъ средствъ уплатить; тогда фирма предлагаетъ сдать ей земли въ аренду за долги; вопросъ о заселеніи хошуна рѣшенъ. Одинъ изъ моихъ сотрудниковъ, проѣхавшій нынѣ Чахары, рассказалъ свои впечатлѣнія: всѣ лучшія пастбища, долины и площади, удобныя для культуры, заняты уже китайцами, страна производитъ впечатлѣніе китайской провинціи, и лишь изрѣдка встрѣчаемые совершенно обѣднѣвшіе и превратившіеся въ парій монголы только слегка напоминаютъ, что страна эта когда-то принадлежала монголамъ; эти жалкія остатки аборигеновъ обречены теперь тѣсниться со своими десятками головъ скота въ жалкихъ юртахъ, по болотамъ или вершинамъ горъ, вдали отъ дорогъ и центральныхъ мѣстъ хошуна. Съ появленіемъ китайскаго осѣдлаго земледѣльческаго населенія и китайскихъ сель появляются въ хошунѣ и китайская администрація, полиція и судъ; хошунъ превращается въ китайскую провинцію.

Сѣверная Монголія (Халха) тоже наканунѣ такого захвата ея земель китайцами; переселеніе уже началось, оно пока направлено только въ хошуны, соприкасающіеся съ нашимъ Кяхтинскимъ райономъ, т.-е. съ юго-западнымъ Забайкальемъ. Намъ пришлось убѣдиться, что на трактѣ Кяхта—Урга многія лучшія долины уже заняты китайскими земледѣльцами, создавшими здѣсь свои фермы, распахавшими огромныя площади земли, обтянутыя лентами „арыковъ“ искусственнаго орошенія. Тамъ, гдѣ прежде паслись тысячи головъ монгольскаго скота и стояли десятки и сотни юртъ, теперь уже нѣтъ ни одной юрты и ни одного стада. Ихъ уже оттѣснили отъ привольныхъ долинъ и рѣкъ въ безводныя горныя степи, гдѣ монголы принуждены довольствоваться колодцами

и плохими пастбищами. Волна переселения увеличивается съ каждымъ годомъ.

4) Подчинение Монголіи китайскимъ властямъ тоже зашло уже очень далеко. По существующему положенію объ управленіи Монголіи, въ Халхѣ должно быть два управленія: для западныхъ двухъ аймаковъ Джасакту-хана и Сайнъ-ноина—въ Улясутаѣ и для восточныхъ двухъ аймаковъ Тушетъ-хана и Цеценъ-хана—въ Ургѣ. Эти управленія должны состоять изъ двухъ амбаней: представителя Китая маньчжура и монгольскаго князя; у каждого своя канцелярія или ямынь. Прежде преимущественное вліяніе находилось въ рукахъ монгольскаго амбана; безъ его санкціи такъ-называемый маньчжурскій амбань не имѣлъ права дѣлать никакихъ распоряженій, ни входить ни съ какими представленіями въ Пекинъ. Поэтому особая печать управленія какъ для западной, такъ и для восточной Халхи находилась у монгольскихъ амбаней, и только бумаги, скрѣпленныя этой печатью, имѣли силу офіціального документа.

Но такъ какъ выборъ монгольскихъ князей въ амбани вполнѣ зависитъ отъ китайскаго правительства, то и выбирались наиболѣе податливые и уступчивые князья. Постепенно значеніе монгольскаго амбана падало, печать перешла на храненіе въ руки маньчжурскаго амбана и, хотя въ настоящее время и существуетъ должность монгольскаго амбана, но она превратилась въ простую синекуру. Значеніе послѣдняго настолько пало, что нынѣшній ургинскій маньчжурскій амбань Сандо, извѣстный руссофобъ, получившій образованіе въ Японіи и извѣстный своими проектами различныхъ реформъ въ Монголіи, уже совершенно не признаетъ монгольскаго амбана даже за равнаго и во всѣхъ своихъ представленіяхъ и распоряженіяхъ, говорятъ, обходится совершенно безъ его участія. Приблизительно въ такомъ же положеніи находится и монгольскій амбань въ Улясутаѣ.

5. Политическаго вліянія Россіи на монголовъ Халхи собственно не существуетъ. Однако у китайцевъ существуютъ какія-то, совершенно хотя не основательныя, подозрѣнія, такъ какъ со стороны китайцевъ учреждено очень серьезное наблюденіе за тѣми лицами, въ благонадежности которыхъ они сомнѣваются. Такое наблюденіе имъ вести очень легко, такъ какъ Монголія полна китайскими торговцами. Напримѣръ, достаточно было мнѣ съ экспедиціей появиться во дворѣ дворца богдо-гегена, какъ одновременно съ нами появились въ этомъ дворѣ и китайцы-торговцы, и пока мы были у гегена (часа четыре времени), появленіе китайцевъ не прекращалось; они все приходили и

ДЗАНДАНДЗО
(БОГЪ, ПРЕДОХРАНЯЮЩІЙ ОТЪ БОЛѢЗНЕЙ)

уходили съ какими-то товарами, хотя гегенъ у нихъ ничего и не бралъ. Были и другіе показатели осторожности китайцевъ; такъ, напимѣрь, бывшій много лѣтъ учителемъ монгольскаго языка въ нашей ургинской школѣ монголь, очень расположенный къ русскимъ и прекрасный преподаватель, въ одинъ прекрасный день, говорятъ, совершенно исчезъ изъ Урги и неизвѣстно куда. Ходятъ мрачные слухи, что съ нимъ покончили китайцы.

Чтобы ослабить экономическое вліяніе русскихъ въ Монголіи какъ со стороны китайцевъ, такъ и со стороны русскихъ дѣятелей въ Монголіи сдѣлано все, что можно было сдѣлать. Торговля почти вся въ рукахъ китайцевъ; оставалась возможность для монгольскихъ князей брать у русскихъ въ долгъ серебромъ и такимъ способомъ избавиться отъ цѣпкихъ рукъ китайцевъ, а, слѣдовательно, и отъ экономическаго плѣна китайцевъ, и весь стройно поставленный планъ захвата монгольскихъ земель могъ бы не выполниться. Но въ самое послѣднее время изъ Пекина послѣдовало категорическое запрещеніе монгольскимъ князьямъ брать у русскихъ въ долгъ деньги и серебро для хошунныхъ нуждъ безъ разрѣшенія изъ Пекина. Это распоряженіе, немедленно приведенное въ исполненіе китайскими амбанами среди князей, въ то же время съ особенною предупредительностью было поддержано и нашими обоими консулами.

6. Уменьшить вліяніе богдо-гегена и ламъ возможно развитіемъ образованія среди населенія и въ особенности князей. Тотъ же теперешній ургинскій амбанъ Сандо представилъ проектъ учрежденія школы для дѣтей монгольскихъ князей, гдѣ будущіе князья могли бы получить китайское образованіе на европейскій ладъ, а, главное, конечно, китайское воспитаніе. Однако эта попытка пока еще успѣха не имѣла. Намъ рассказывалъ улясутайскій генераль-губернаторъ (дзянь-цзюнь), что монгольскіе князья отказались посылать своихъ дѣтей въ эти школы подъ предлогомъ, что они боятся отпустить своихъ дѣтей такъ далеко отъ себя. Сдѣлана и другая попытка въ этомъ родѣ, и она можетъ имѣть большое значеніе. Съ 1910 года въ Улясутаѣ и Ургѣ открыты школы для монгольскихъ дѣтей. Къ сожалѣнію, будучи въ Ургѣ, я не могъ ознакомиться съ этимъ вопросомъ; но зато въ Улясутаѣ, благодаря недавно прибывшему туда нашему консулу г. Люба, мнѣ удалось осмотрѣть эту монгольскую школу. Школа находится въ китайской крѣпости, среди китайцевъ; во главѣ школы поставлено китайское начальство, дѣти въ школу собраны отъ каждаго хошуна: по одному мальчику изъ простыхъ монгольскихъ семей и нѣсколько

„тайджи“ (дѣтей дворянъ, т.-е. родственниковъ князей). Возрастъ учениковъ отъ 12 до 18 лѣтъ. Ученики производятъ впечатлѣніе очень умныхъ, хорошо подобранныхъ молодыхъ людей. Обучаются китайскому, маньчжурскому и монгольскому языкамъ и литературѣ. Х. Я. Зеллисъ взялъ нѣсколько учебниковъ школы и, судя по первоначальному знакомству съ ними, приходитъ къ заключенію, что они удивительно удачно и живо составлены. Дѣти на китайскомъ языкѣ будутъ знакомиться съ исторіей, географіей и природой Китайской имперіи, съ бытомъ, пѣснями народа. Главная цѣль этихъ школъ создать учителей-монголь для открытія такихъ же школъ въ хошунахъ.

Если удастся китайцамъ,—а они умѣютъ систематически работать и настойчиво проводить полностью намѣченный планъ,—то благодаря этимъ школамъ они скоро будутъ вліять на массу монголовъ и такимъ образомъ будутъ проводить въ самую глубь народа свои взгляды, убѣжденія, чѣмъ, конечно, понизятъ вліяніе ламайскихъ монастырей и ламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самого богдо-гегена.

Были и другія попытки понизить значеніе богдо-гегена и ламъ среди массы народа, но пока неудачныя. Напримѣръ, въ маѣ 1910 г., воспользовавшись случайно ссорой между монгольскими ламами и китайцами въ Ургѣ, амбанъ Сандо хотѣлъ сразу же нанести ударъ ламайскому монастырю въ Ургѣ (т.-е. монастырю самого богдо-гегена). Подъ предлогомъ защиты будто бы обиженнаго китайца и наказанія обидчиковъ-ламъ, онъ съ отрядомъ солдатъ бросился въ монастырь съ намѣреніемъ, очевидно, арестовать виновныхъ, а, главное, можетъ-быть, нежелательныхъ въ политическомъ отношеніи ламъ, но былъ встрѣченъ камнями 1000 ламъ; отрядъ его позорно бѣжалъ, и самъ амбанъ, посрамленный, принужденъ былъ удалиться, не доѣхавъ до монастыря.

Л. В. Поповъ.